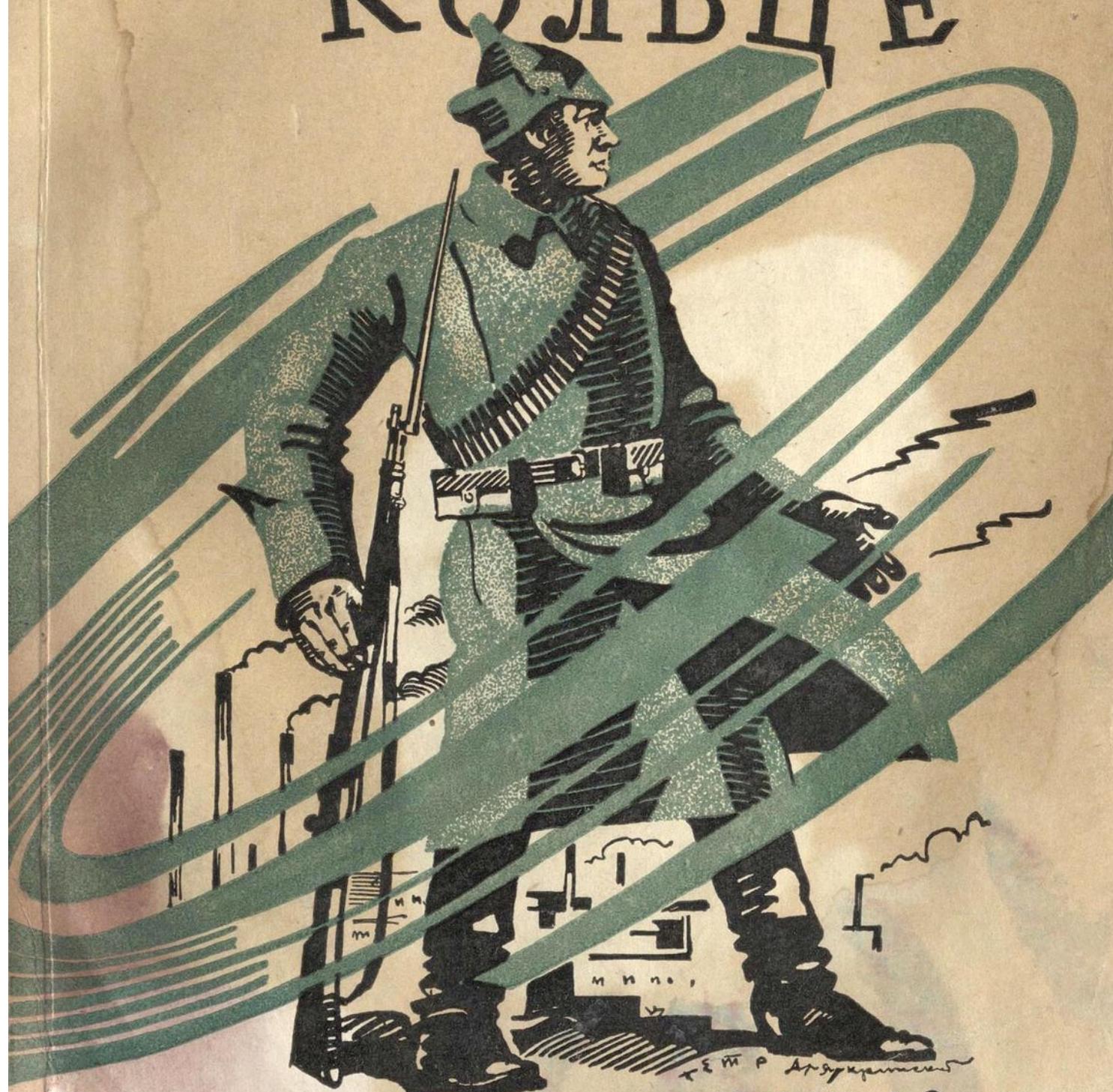

Б

В-65
1928.

АЛЕКСЕЙ ВОЙЦЕКЯН

ЗЕЛЕНОМ КОЛЬЦЕ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ 1928

О Т А В Т О Р А

Эти небольшие очерки из истории борьбы с дезертирством и движения „зеленых“ по Московской губернии в 1919 г. составлены мною на основании документов того времени и отчасти по моим личным воспоминаниям. В тот год, когда в местах, захваченных белыми, развернулось мощное крестьянское партизанское движение против натиска белогвардейцев и интервентов, московское крестьянство, оставаясь в стороне от фронтовой полосы и не зная ужасов колчаковщины, деникинщины, петлюровщины, частично поддается агитации эсеров, которые, опираясь на кулачество и офицерство, пользуются каждым проявлением недовольства в деревне, чтобы организовать движение против советской власти.

К сожалению, я не располагал достаточным временем, чтобы придать этим очеркам художественную законченность. Но я надеюсь, что и в таком виде простых зарисовок они дадут представление о характере этого движения и тех колебаний в деревне, которые отражали возмущение мелкобуржуазных слоев против продовольственной политики рабочего государства и принудительной мобилизации в годы „военного коммунизма“.

А. Войцекян

Кутыркин отвечал:

— Братишки! Я собственно, не прочь, но ежели уж пойдете, то гляди в оба... идите, но не забывайтесь. Есть слухи, что будут облавы... попадетесь—расстрел, не то тюрьма. Знайте, держите себя на-чеку, а если чуть што... так дёру, да к нам—мы поддержим. Будет дома пожитуха—захватывайте что с собой, а главное о „самодуре“ не забывайте, да гармонь прихватите.

...Тех, кто приедет на праздник из молодежи, тащите к нам в гости... След приглянуть и за комиссарами нашими, не затеваю ли они чего. А Ванятку из Комдеза встретите, сказывайте потихоньку: „Коль попадется—быть ему на осине, негодяю“... Да вот что, к бабе моей зайдите, пусть тоже гостинца шлет, да и сама приходит...

Шестеро были из Юрьевки, седьмой сам Вахлюй. И все шестеро в один голос отвечали Кутыркину:

— Сделаем как наказываешь... Не сумлевайся... прощай!

— Самоплясу прихватите... и... ей... не забывай...— неслись среди леса последние напутственные слова.

* * *

Где-то вдали и наверное у „престола“ зазвонили на колокольне.

— Бом! бом! бом!..

Оставшиеся среди леса собирали хворост. Было их около сотни. Были тут и Вороновские, и Семенковские, и Безобразовские, и Косовские, и Львовские, и Мочинские, и Бавинские, и Голохвастовские, и Михалевские, и Илевлевские, и Ясеновские, и Сахаровские¹).

¹⁾ Все перечисленные деревни Вороновской волости, Подольского уезда, Московской губ.

Но несмотря на свою многочисленность, в шутку называли же они себя — по счету деревень — „чортовой дюжиной“.

Некоторые из них, заслышав звон колокола, останавливались и, глядя задумчиво вдаль, крестились. Некоторые же просто замечали: „Ко всенощной звонят“... А некоторые, сдерживая внутреннюю грусть, молча глядели в землю и с ожесточением похрустывали попадающимся валежником.

Кутыркин разжигал костер. Его коренастая фигура при звуке колокола замерла на минутку и опустилась на трухлявый пень. Огонь чиркнутой спички лизнул сухую сосновую хвою, и та вспыхнула с треском, рассыпая искры и смолистый желтоватый дым. Вахлюй загляделся на ползущую змейку огня, пробирающуюся по веткам костра и, опустив голову на ладонь левой руки, предался размышлению... Где-то стрекотали кузнечики...

„Да, — вдруг проговорил он, — время идет... девятнадцатое не за горами — а готов ли я? Готова ли моя „зеленая“ ватага к выступлению?... В Наро-Фоминском, Бронницком, Дмитровском, Можайском, Клинском уездах уже все готово... „Зеленое“ кольцо вокруг Москвы крепнет... Дело за мной. — А у меня? Оружие? — Пятнадцать винтовок... — Пулеметы? — Ни одного... — А сама братва? — Надежных десятка три, не больше...“

...Что скажет партия¹⁾ мне за мою медлительность? — Что будет если я оставлю в этом кольце отверстие?...“

Вдруг где-то рядом залихватски хватил сиповатый баритон:

¹⁾ Партия эсеров.

Иех, яблочко, ды куды котисся
В комдез попадешь, не воротисся...

Кутыркин поднял голову и увидал шедшего к нему парня, нагруженного хворостом.

— Это ты?

— Я...

— А люди?

— Щас йдут... хворост собирают. А Илюшин и Варварин картошку воровать пошли.

— Вот что, Кашкин! — сядясь вновь на пень и подкладывая хворост в костер, обратился Кутыркин к пришедшему.

— Что, Вахлюй?

— Как ты думаешь, ежели сцепают нас — что будет?

— Кому как... А нас — к стенке... А ты што?.. — Ай надумал чего?

— Д-нет, — так... Знаешь, брат, уж больно тugo идет у нас наша организация: прикинул я по пальцам все это...

— И што же?

— Плохо...

— А, брось, куда ни шло, кривая вывезет... Вон сегодня-то в газетах, к Туле ишь подходят, а завтра, глядишь, и дальше пойдут... А мы тут как тут, в самое комиссарское сердце и ахнем. Чик!.. И вот-те скажут, зеленоармейцы!.. — А там глядишь — и награда. Тут сила штоль нужна? Не-ет!.. Все герои-то на фронте, а тут, да и в Москве то же, — он при этом махнул рукой, — одни трусы... пни ногой, и рассыпятся... Одно, правда, плохо; „нарезных“ маловато у нас — это справедливо... Ну и это не беда! Дробовики соберем, вилы, топоры в ход пустим... А сила — лиха беда начать!.. —

Ты думаешь, мужики не поддержат?.. Видал, как продком обирал их, помнишь? Реквизиции как проходили? Ну, чего тебе говорить! Я завсегда думал, когда эти реквизиции проходили: взять да позвонить в колокол общественный да потревожней эдак, а сбежались бы—крикнуть: „Бей, робя, всю эту грабиловку!“ И что бы было!..—Кашкин не договорил.

— Все это так,—перебил его Кутыркин.—Я не об этом,—я о другом! Ты знаешь, по всем уездам готовы уже к выступлениям, а мы еще не совсем.—Вот о чем. Нужно нам пошевеливаться... Девятнадцатое на носу...

— А чего пошевеливаться-то?

— Как чего?

— Нужно прогуляться по деревням и собрать тех, кто еще не у нас—это раз. Обобрать дробовики, о которых говорил ты,—два. Мужиков поднакачать—три... А как у нас с самоохраной?

— Не сумлевайся. Заставы стоят: одна у Михалева, другая у Юрьевки, третья у Воронова, будь покоен, никто не проберется. А потом ежели што—небойсь прибегут из деревень и скажут.

В стороне послышались голоса. Кутыркин и Кашкин насторожились.

— Ну вот што, идут... Давай прекратим разговоры.

— А-а, наше вам! А мы—где они, где они?—а они вон с огоньком бáлуются,—кричали, подходя, троє.

— Здесь,—буркнул Кашкин.—А картошка где же?

— Пошли за водой, щас небось придут.

Десяток людских глоток где-то вдалеке, тревожа тишину леса, разноголосили песнь о Чуркине, ее сменил хруст лесного сушняка, шишек и затем говор: „Ишь куда ушли“...

— Подальше—оно лучше.

— Барабули! Белуги! Кому?—гогоча и крича вынырнули из-за кустов Илюшин и Варварин с вещевиками через плечи и запели:

Вы-ш-ли мы все из ва-го-о-на
Кар-тошку обобрали у нас.
Вот вам союз и своб-о-да,
Вот и советская власть.

И все собравшиеся разом дружно подхватили:

Вот вам союз и свобода
Вот и советская власть!..

— Отставить!—крикнул Вахлюй.

Все смолкли.

— Даешь „белугу“ сюда!

Барабанили котелки, встревоженные посыпавшейся картошкой, захлебывались водою и хлюпали, постепенно стихая; втискивали их Вахлюевые руки, словно в наказание, в раскаленное пекло костра, шипевшее, как разъяренная кошка, от расплесканной воды.

— А теперь вот что, братва, садись кучней и слушай,—оторвавшись на секунду от костра, как-то ядовито сквозь зубы прошипел Вахлюй.

Все сдвинулись и сбились в кучу, и он начал говорить:

— Завтра у нас праздник. Юрьевских я отпустил. Много ребят приедет из Москвы и города. Нужно нам каждому свидеться с ними и сказать: „братики, мол, довольно послужили вы антихристам, пора, мол, и честь знать, к нам в гости приходить, да не с пустыми перстами, а с винтовками, шашками—кто чем богат“.— Дело ли говорю я или нет?

— Дело! Правильно, Вахлюй, говоришь! — кричали люди.

— Так вот,—продолжал он,—ежели правильно, то сейчас же всяк себе и наметь, куда он и в какую деревуху пойдет и кому передаст то, о чем я толкую... Но это еще не все. Дальше: у кого у нас по округе дробовики есть?

Молчание.

— Не знаете?

— Кое у кого есть...

— Так вот: о дробовиках поразнюхать надобно да мне и представить.

— Будет сделано, о чем речь.

— Надобно еще и с мужиками поговорить, а говорить вот что: Деникин уже взял Тулу. Везде бунты. Нас уже целая сила собралась и вскоре, мол, пойдем на Москву большевиков бить и вешать... И последнее это то: где облаву встретите,—мигом сюда в лес и ко мне,—я здесь буду и еще десятка два людей со мною должны быть на-чеку. Мы тогда, ежели облава небольшая, справимся с нею. Понятно?

— Еще бы!

— Все! А теперь,—кто куда и кто во что горазд, ссыпь, братва!..

* * *

Солнце палило немилосердно людей, собравшихся на мирское молебствие.

Люди тут были разные и по полу и по возрасту: старики и детвора, мужики и бабы. Столпились ониу места, где всегда происходили молебны, у накрытого белой скатертью стола с фаянсовой узорной миской, и ждали попа.

Вдруг кто-то крикнул:

— Батюшка!

Все расступились.

Поп важно пробирался по узкому коридору людей, а добравшись до стола, крякнул и стал облачаться, надел ризу и все что положено по молебствию и начал обычным басом:

— „Благословен бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков“!

Дьячок в ответ подпевал свое:

— „Бог гос-сподъ явися нам. Благословен грядый во имя господне!“

И вдруг, когда молебен подходил уже к концу, когда поп провозгласил здравицу всем предержащим властям и доблестному российскому христолюбивому воинству, епископу и всем православным христианам, заканчивая ее многолетием,—молебствие омрачилось: с обеих концов Юрьевки вскочили верховые с красными звездами во лбах. Увидав молебствие, верховые замерли на лошадях на месте.

— Проклятые, и в праздник не дадут покоя!—проговорил один из молебствующих.

Все глянули на красноармейцев и стали расходиться по домам.

Часть молодежи из беглых, смешавшихся со старицами, жались к овинам и оттуда, исполняя наказ Кутыркина, задавали дёру в леса, чтобы сообщить об облаве. Часть же пробиралась к домам.

Военные проскочили деревню и остановились у комиссаровой избы, задержав по дороге четырех из юрьевской молодежи.

* * *

После молебна пили юрьевские мужики денатурат и самогон, закусывая селедками и баараным студнем. Укрыв-

шиеся от облавы вахлюевские молодцы разжигали охмелевших мужиков своими разговорами, проклинали власть за разверстку, за то, что вольной торговли нет, за нехватку „одежи“ и „обужи“, вспоминали и о том, как ездили за мукой вдаль.

— И все с мужика: то дай хлеб, то сена, то скотину подай... И все лишки находят.—А какие тут лишки, когда сами чуть не с Рождества вдаль за хлебом ездили?..

— А езда? Разве это езда?—Это на смерть едешь— со всеми родными прощаешься, ни то приедешь, ни то нет.

— Чего уж там,—соли и той нет... где это было видано, а, чтоб яблоковый лист пили,—а? Говорят, как белые заступят, так вольную торговлю дадут и все склады откроют, авось уж более не будем ездить вдаль-то, а то за хлебом поезжай в Самару, за солью в Москву. Тьфу ты, трижды будь проклято, невидаль какая.

— Ежели б власть-то подходящая, разе парня бы ты не послал свово? А то вон он здоровый, а в дезертирах ходит. Кому охота голову подставлять не знамо за што. На войне смерть от пули, дома—от голоду: уж лучше с родными помирать...

Так говорили с возмущением, перебивая друг друга, вахлюевские парни.

— Тьфу! Тьфу! Тьфу!—трижды сплевывали, хмеляя, сагитированные мужики и свирепели, злобно посматривая из окна туда, откуда так неожиданно появились встревожившие их незваные гости, и на комиссарову избу, где остановились они.

— Мы им щас пропишем ижицу,— успокаивали мужиков дезертиры.

* * *

Лес шумел, негодуя на ветер за нарушенный покой.
Слетали листья.

Кутыркин с двумя десятками людей слушал гнев леса. Вдруг, заглушая и лесные шумы, и завывание ветра, и говор, прорезало воздух резкое:

„Ау!... А—у! Ау, Вахлюй! Где ты? Эй! Вахлюй!“

Кутыркин вскочил и схватился за наган, торчавший у него за поясом. Вскочили и люди, взялись за винтовки.

Кутыркин свистнул в ответ на ауканье.

Запыхавшись прибежал юрьевский разведчик Варварин.

— Скорей, скорей! наших забрали...

— Кто забрал?

— Красноармейцы... Был молебен... Вдруг въезжает пяток красных с обоих концов.

— Ну?

— Проскочили деревню, а на пути сцепали четырех, только не знаю—кого. Сейчас у комиссара сидят...
Давай выручать.

— Вооруженные они?.

— С карабинами, а у старшего наган.

— Ладно,—скрипнув зубами, проговорил Кутыркин и решительно скомандовал:

— А ну, братва! Заряди винтовки! За мной!...

МОБИЛИЗАЦИЯ ПАРТИЙНЫХ СИЛ

15 июня секретарь Игнатовской ячейки Дивин донес уездвоенкому Наро-Фоминского уезда¹⁾:

¹⁾ Уездвоенкомом был В. А. Жихарев. Умер от тифа в 1920 г., заболев на юго-восточном фронте.

„В районе Рудневской волости бывшими офицерами, братьями Герике, организуются банды дезертиров, ставящие себе целью вооруженное восстание против советской власти и уничтожение коммунистов“.

Уездвоенком, получивши эту весть и посоветовавшись со мною, как своим помощником по гарнизону,

Накануне восстания

Красноармейцы Наро-Фоминской карроты на субботнике по вскопке огорода

решил в Рудневскую волость послать небольшой отряд.

Поехать туда он приказал мне.

Захватив пятнадцать красноармейцев, я двинулся по назначению.

Однако, не успел я выйти из имения б. князя Щербатова, где помещался военкомат, как вдруг был остановлен запыхавшимся вестовым.

— Военком приказал повернуть отряд вспять! — крикнул прибежавший.

Я возвратился,

— Неприятную новость получил, — заявил мне Жи-харев.

— Новее той, что уж получили от Дивина?

— Новей. На, читай!

Прочел.

„В Вороновской волости Подольского уезда, со-прикасающегося территориально с вашим уездом, — восстание.

„Дезертиры во главе с б. военруком и б. членом нашей партии Кутыркиным ворвались в волсовет. Убили всех коммунистов. Сожгли совет и разогнали сельсоветы.

„Приказываю вам немедленно выступить по направлению Вороновской волости. Отрезать путь отступления дезертирам, а войдя с ними в соприкосновение, уничтожить их.

„С своей стороны высылаю отряд с артиллерией и пулеметами, который направлен через Подольск по маршруту: Подольское шоссе — Вороново.

„Подписан губвоенком Москвы и Моск. губ.

М: Миньков“.

Быстро пробежав это телеграфное сообщение, мы решили поставить в известность райком, куда и направились.

С членами райкома, Чихачевым, Пяткиным и Лапинковым (пропал без вести на южфронт) обсудили положение. Объявили срочный сбор отряда особого назначения, который решено было направить на борьбу с восставшими в Подольском уезде.

Собрались все способные носить оружие коммунары (около ста человек) и, вооружившись наскоро, двинулись в путь.

Возглавил отряд уездвоенком, оставил меня в городе вместо себя.

* * *

В городе почти не оставалось коммунистов.

Красноармейцы караульной роты в большинстве своем были размещены, как и всегда, по постам. Отдыхали в казарме лишь смены для них.

Спустя часа два после ухода отряда прискакал верховой с первым сообщением от Жихарева.

„Мой отряд около с. Руднева вступил в перестрелку с бандами „зеленых“.

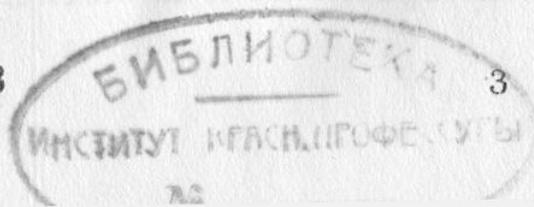
„Для того чтобы, не задерживаясь, мне можно было бы двинуться дальше по прямому моему назначению, прошу выслать дополнительно отряд, который занялся бы исключительно борьбою с дезертирами нашего уезда. Жихарев“.

Я мобилизовал часть сотрудников военкомата и часть красноармейцев, снявши их с маловажных постов, и создал нечто вроде отряда; под руководством беспартийного, но надежного малого, военрука тов. Алексеева, двинул его в путь на грузовике, взятом с фабрики.

* * *

До глубокой ночи не получалось никаких сведений о деятельности и о судьбе как первого, так и второго отрядов. Тогда было решено бросить на разведку двух конных.

Верховые отправились.

Вскоре после отъезда их---из казармы рабочих новости:

„На фабрике что-то на утро затевается нехорошее. В одном из отделений фабрики выброшен флаг с надписью: „Да здравствует Михаил Александрович“. Но вести эти принесли коммунистки Смирнова и Колоколова.

Положение становилось все более тревожным. Посоветовались мы тут, что предпринять, и договорились: быть всем оставшимся коммунарам на-чеку, а на утро собраться у меня.

Никто не знал, что будет утром. Гранаты какие были, на всякий случай я перетащил наверх, к себе в красноармейский клуб.

* * *

Посланные на разведку привезли радость: сообщение как от первого, так и второго отрядов.

Первый доносил: „Достигли Вороновской волости. Ведем перестрелку по „Масловскому лесу“. Положение не внушает опасений“.

Второй: „До сего времени на пути ни одного выстрела. Заночуем там, где застанет ночь. Утром донесу“.

Но, кроме этих сообщений, в конверте оказался жуткий документ, с припиской Жихарева:

„Почитай и поразмысли. А в общем... „Бытие деревни определяет ее сознание“.

Это был протокол осмотра.

„1919 г. июня 20-го дня, я, председатель уголовно-следственной комиссии М., сего числа, совместно с судебным врачом Д. и нижеследующими понятыми..., произ-

вели осмотр трупов убитых при восстании дезертиров в Вороновской волости.

„Трупы лежат на спине, обугленные, на полу в одной из комнат деревенской избы. Обуглены до неузнаваемости.

„Заключение. Основываясь на отсутствии каких бы то ни было данных наружного осмотра, за исключением обнаружения действия огня, и учитывая обстоятельства случая, можно заключить, что смерть произошла от умышленного убийства злоумышленников и скрыта огнем, который, обуглив трупы, не дал возможности констатировать подлинные причины смерти вышеуказанных товарищей. Судебный врач (подпись). Секретарь (подпись)“.

Этот скорбный документ свидетельствовал о зверском насилии над коммунистами. Защемило в груди. Обожгло сознание и болью и классовой ненавистью... На утро еще более жутко стало от прочитанного документа.

Но вот взгляд упал на газету „Правда“, кем-то положенную около, на столе. Привлек своим крупным заголовком призыв: „Вниманию членов партии“.

Я знал, что под ним я найду ответ на свои тревоги. Впиваясь глазами в каждую строчку, я прочел:

„...Мысли рабочих масс взбудоражены разрушой и продовольственным кризисом. В такие дни люди напряженно ищут выхода и склонны пробовать новые пути, кажущиеся им более легкими и достигающими цели.

„В такие дни особенно нужна выдержка, самообладание передовых слоев пролетариата, обязанных удержать массы от опасных неверных шагов. Нужна неустанная работа в массах, постоянная связь между центром и периферией.

„Между тем, все ли члены партии помнят свои партийные обязанности?

„Нет, не все!..

„Вырабатывалось какое-то убийственное хладнокровие, профессиональный „стоицизм“.

„Эти товарищи напоминают невозмутимость Архимеда, занятого вычерчиванием кругов и совершенно беззаботного на счет самообороны, когда на него нападает смертельный враг.

„Кругом нас бушует стихия контрреволюционной борьбы, проявляющейся в различных формах. Бывшие министры, адвокаты без практики, журналисты без газет шныряют по заводам, поставив себе целью „свалить советы, хотя бы ценою голода“.

„...Мы еще далеко не вступили в такую полосу мирной органической работы, чтобы позволительна была роскошь строгого разделения труда: „я советский работник“, а ты „партийный профессионал“.

„...Встряхнитесь, товарищи, члены партии! Не увлекайтесь так рано достижениями государственного строительства, когда на улицах еще гремит борьба!

„Вчера в Саратове гремели орудия по совету. Советским архимедам из комиссариатов пришлось бросить перья и отношения и взяться за оружие, чтобы в пороховом дыму померяться силами с контрреволюцией.

„Сегодня в Пензе, Сызрани, Златоусте гремит борьба с бандами чехо-словаков. И здесь товарищи („архимеды“) отрываются от полезной и нужной государственной работы для непосредственного участия в боевой схватке. Ибо если победят черносотенные, правоэсеровские, чехо- словацкие банды, то всем комиссариатам все равно крышка.

„Сегодня в Питере меньшевики подбивают массы на забастовку, хотя и сами побаиваются ее последствий. Будучи специалистами по части сеяния паники, меньшевистские агитаторы ухитряются наговорить таких небылиц, что рабочие только рты разеваю, а

Райком

Группа большевиков Наро-Фоминской организации в 1919 году.
Среди нее райкомцы—1) Чихачев, 2) Жихарев, 3) Войцекян,
4) Пяткин, 5) Смирнова.

опровергнуть почти некому, так как все наиболее развитые и осведомленные члены партии—большевики выбраны во всякие коллегии да комиссии и на собраниях не бывают. Этим и пользуются их враги.

„...Естественно, что в такой обстановке соглашатели и резолюции об учредилке ловко протаскивают и погромную агитацию безнаказанно ведут.

„Пора, пора встяхнуться!..

„...Вопрос о мобилизации партийных сил выдвигается на очередь совершенно неотложно“.

В цель били горячие слова этой статьи, будили, призывали.

Я подумал: не будь спячки в наших рядах, не погибли бы бесславно такие славные борцы, как те, о которых сообщал Жихарев и судебно-следственный акт. Не погибли бы десятки лучших представителей рабочего класса и трудового крестьянства.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В. П. НОГИНА

На утро фабричный гудок б. фабрики Цинделя¹⁾ загулел во-время, но рабочие, против обыкновения, пошли не на фабрику, а к трибуне, устроенной на площади против фабричных ворот у магазина, собираясь в многотысячную толпу, о чем мне по телефону немедленно донес из заводоуправления К.....в, которого мы считали меньшевиком. Этот человек сообщил о забастовке рабочих и высказал свои опасения: рабочие, мол, настолько озлоблены, что не сдобровать и заводоуправленцам и вам (т.-е. коммунарам).

Что рабочие, на почве голода, были озлоблены, об этом мы знали. Мы знали также и то, что этим пользуются меньшевики и все враги советов с целью провоцирования рабочих на контрреволюционные выступления; в этом отношении мы имели опыт: например, 2 апреля рабочие, подстрекаемые этой сворой, разгромили уисполком, избили нашего коммуниста, заве-

¹⁾ В Наро-Фоминске.

дывающего Отделом общего управления, Д. Воронова¹), и только присланные несколько красноармейцев, под командой П. Лебедева, спасли учреждения от разгрома.

Но в апреле было иное положение: не было еще такого обострения на фронтах, меньше было и дезертиров; да и наши товарищи, коммунисты, были все на своих местах. В апреле меньшевистской своре дан был дружный отпор. А вот сейчас почти все коммунисты уехали в Подольский уезд. Что делать?

А меж тем мне, как начальнику гарнизона, звонили по телефону и сообщали с фабрики тревожные вести:

„Вот вытащили из заводоуправления К... и заставили его говорить с трибуны о положении на фабрике с сырьем и топливом“.

„Вот какой-то кооперативный работник схвачен за фалды и установлен на трибуну для объяснения положения с продовольствием“.

„Вот меньшевики с пеной у рта проклинают большевиков“.

„Вот выкинуты лозунги меньшевистские и монархические“.

Всего не перечтешь, что говорилось по телефону в то время о положении дел на забастовавшей фабрике.

Но кто бы ни звонил и что бы ни передавал, всякий требовал помощи и принятия каких-либо мер, словно я один был в состоянии что-нибудь сделать.

Не показывая своей беспомощности, однако, я отвечал, что сейчас-де будут приняты меры.

Решил сам пойти и посмотреть, насколько серьезно положение на фабрике.

¹⁾ Д. Воронов — член нашей партии. Умер от чахотки в 1922 году.

* * *

Еще издалека из толпы доносились выкрики меньшевиков; я смешался с толпой, чтобы пробраться к трибуне, но чуть не был растерзан, так как некоторые из хулиганов, увидев меня, стали кричать: „Бей проклятого латыша, чужеземца!“ Видя, что дело плохо, я засунул руку в карман и остановился. Мой жест некоторые заметили и, очевидно боясь, что я буду стрелять, шарахнулись в сторону. Задние напирали. Я благополучно выбрался из этой людской толчеи и преспокойно, не обращая внимания на действия порывавшихся меня ударить, направился к военкомату. Там я встретил несколько человек коммунистов, оставшихся в городе и теперь собравшихся у меня. Все понимали, что положение серьезно. Мы начали совещаться, что же нам делать.

Наконец решили звонить в Москву. В ответ тов. Миньев сообщил, что к нам на фабрику экстренно выехали представители ЦК, а для борьбы с дезертирством выслан отряд.

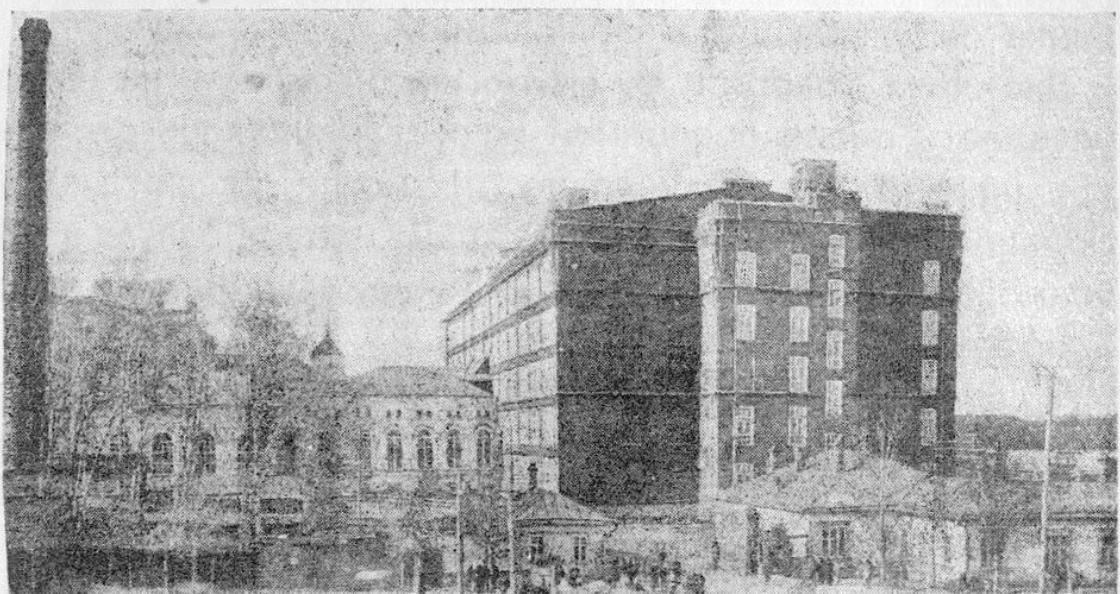
Получивши эту весть, мы облегченно вздохнули.

* * *

Через несколько времени со станции нам позвонили о том, что отряд прибыл. Я пошел встретить. Прихожу на станцию и вдруг вижу—вместе с красноармейцами выходит на платформу В. П. Ногин и начальник московской губмилиции Дубровин. Радости не было конца. Поздоровались. Москвичи начали засыпать вопросами: „Что, да как? Да почему?“ И т. д., и т. д. Я осветил положение вещей, после чего мы направились в воен-

комат, где тут же создали ревком: председателем его был избран я, в него вошли: В. П. Ногин, Дубровин и начальник отряда, прибывший из Москвы.

Этот ревком мы назвали „Реввоенсоветом“. Под этим именем ревком существовал недели полторы. Все сообщения в Москву посыпались от имени „Реввоенсовета“ (техническим секретарем ревкома был Глазунов Иван).

Фабрика б. Цинделя в Наро-Фоминске (центральная часть).

Не успели мы создать ревком, как вернулись из Подольска А. Д. Чихачев и Панфилов. Их также включили в ревком.

На первом заседании ревкома В. П. Ногин внес предложение о немедленном командировании к возмущенным рабочим его, как представителя ЦК, Чихачева, которого масса знала и любила, и меня, как начальника гарнизона и предревкома. Кроме того, им же было предложено арестовать в качестве заложников всю местную буржуазию. Мы отправились к рабочим.

Под отчаянные крики, проклятия, ругань и угрозы кулаками мы пробрались к трибуне. Покойный В. П. Ногин один вошел на трибуну, на которой с пеной у рта „орал“ какой-то меньшевик.

Через 5 минут после того, как тов. Ногин обратился к рабочим с речью, мы уже видели перелом в настроении рабочих: угрозы и крики затихли,—рабочие стали внимательно слушать тов. Ногина, который доказывал преступность забастовки в такое время, когда Республика окружена белогвардейщиной.

Два часа говорил В. П. Ногин, несмотря на свою усталость после бессонной ночи. Ему удалось сделать то, на что мы безусловно не могли рассчитывать. Только после его выступлений нам представилась возможность высказаться, рабочие выслушали всех, а потом преспокойно разошлись.

Трудно сказать, чем могла бы кончиться вся эта история, если бы тов. Ногин, имевший в глазах рабочих большой авторитет, не приехал в тот критический для нас момент.

Отряд же красноармейцев, прибывший из Москвы, отправился было на борьбу с дезертирством, но, достигнув Подольского уезда к моменту, когда там восстание было уже ликвидировано, погрузился и вернулся в Москву.

* * *

КОНЕЦ КУТЫРКИНА

„Масловский лес“ представлял собою хорошую защиту для дезертиров. Однако наш отряд основательно потревожил их.

А еще больше подействовали на дезертиров объявленные приказы штаба отрядов: в них указывалось на то, что дезертиры под влиянием агитации кулаков, белогвардейцев и эсеров введены в заблуждение.

„Кто такой Кутыркин, главарь ваш?—говорилось в одном из приказов.

„Бывший офицер, верно, что пес, служивший кровавому Николаю, примазавшийся однажды к партии, но благодаря своевременному разоблачению выкинутый из ее рядов.

„Результат его предательства налицо.

„Страдают ваши семьи. Страдаете вы. Так не лучше ли уничтожить этого предателя и раскаянными прийти к нам, кровным защитникам трудового крестьянства и рабочих?“

После этих приказов целыми группами по сотне человек стали являться дезертиры.

Кутыркин сидел в лесу, а ряды его соратников все редели. Шла перестрелка. Развязка близилась. Через несколько дней, на рассвете, у волостного совета, на кучке навоза лежал изувеченный труп предателя-Кутыркина, с запиской на груди:

„Здесь тебе и место, негодяй и авантюрист,—в на-возе.

„Ты вовлек нас в столь тягчайшую авантюру, направленную против ничего плохого не сделавшей для нас, кроме хорошего, советской власти.

„Ты предавал нас вместе с эсерствующими и белогвардейцами, помещиками и буржуазией, пользуясь нашей темнотой.

„Ты опозорил нас и наши семьи перед всем трудовым миром именем труса „зеленоармейца“—дезертира.

„Так прими же от рук наших в „благодарность“ свинцовую пулю, которую даже жаль бросать в твое поганое предательское тело!“

Вороновская трагедия окончилась.

Трудовое крестьянство волости, уже тяготившееся дезертирами, наконец-то вздохнуло свободно.

ДОКЛАД ЖИХАРЕВА

Председателю ревкома Наро-Фоминского уезда т-щу
Войцекян.

Рапорт—

„Доношу, что восстание в Вороновской волости Подольского уезда ликвидировано и локализирована организация „зеленых“ и в нашем¹⁾ уезде. Началось Вороновское восстание при следующих обстоятельствах: 15 июня после молебна в село Юрьевку прибыл отряд по борьбе с дезертирством в количестве пяти человек. Арестовав четырех дезертиров, отряд остановился у сельского комиссара, намереваясь отсюда начать производство облавы.

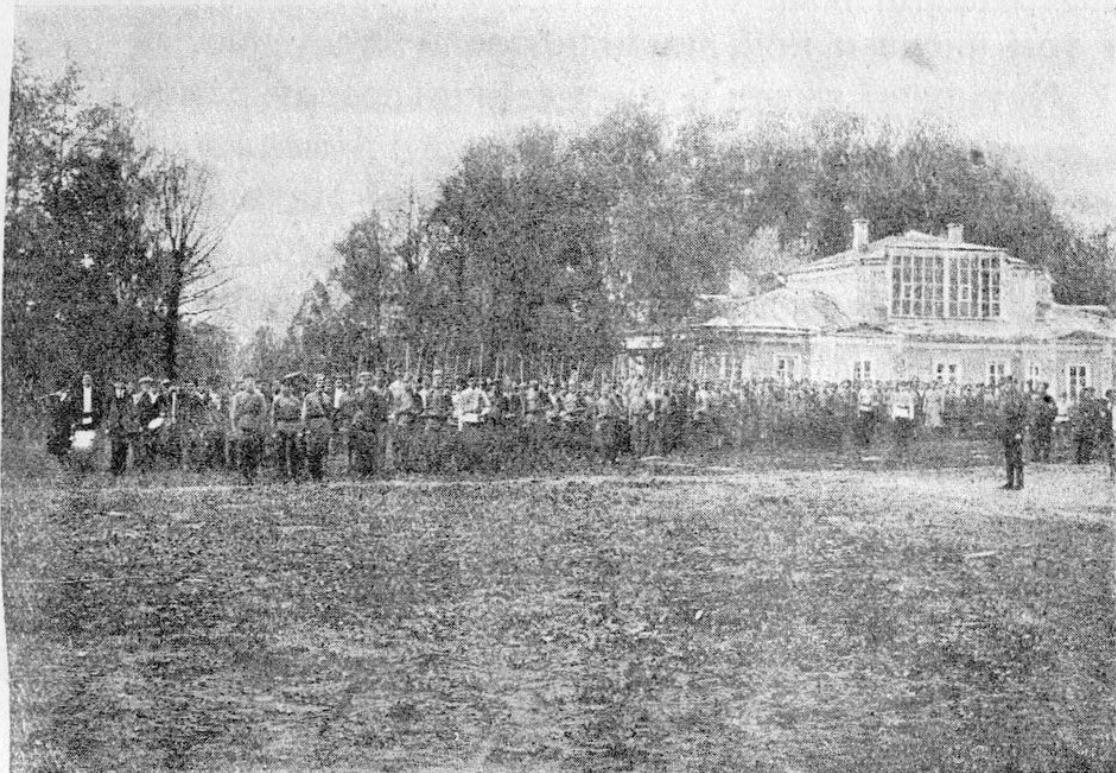
„Вдруг из Масловского леса показался вооруженный отряд дезертиров человек в двадцать пять, во главе которого шел главарь „зеленых“ эсер Кутыркин.

„Отряду красноармейцев сообщили об этом, и он, чувствуя свою малочисленность, снялся и ускакал по направлению к Подольску. „Зеленые“ было погнались за ними, дали залп по ним, но тщетно—верховые ускакали, оставив задержанных ими вначале дезертиров.

„К пришедшим в село „зеленым“ с Кутыркиным во главе быстро стали сбегаться дезертиры из других близ-

¹⁾ Наро-Фоминском уезде, Моск. губ.

лежащих деревень; последние накануне этого дня ушли из леса по деревням для сбора оружия и ведения агитации среди крестьян. Крестьяне деревни Юрьевки были под хмелем в связи с их престольным праздником „десятая пятница“, подстрекаемые дезертирами, и в особенности их главарем, восстали и с криком, визгом

Отряд особого назначения Наро-Фоминска, участвовавший в ликвидации восстаний „зеленых“.

и руганью двинулись толпой в село Вороново, намереваясь убить коммунистов и разгромить волсовет. Часов в 5 вечера, когда в Вороновском волсовете уже никого не было, за поздним временем коммунисты ушли. Возбужденные восставшие, прибежав в Вороново, ворвались в совет и начали творить безобразия: рвали портреты вождей, бумаги, били стекла, забрали все винтовки, а затем стали отбирать охотничье оружие у тех

крестьян, у которых они были. Арестовали одного партийца, Борисова Василия Степановича, который благодаря только счастливой случайности остался не растерзанным.

„После разгрома Совета восставшие предались пьянству, а к ночи в ожидании кары ушли в лес. Ушли с дезертирами и юрьевские мужики. Прибывшие отряды, в том числе и мой, ликвидировали восстание.

„Кутыркин выдан и убит самими дезертирами. Убиты в момент перестрелки дезертиры: Илюшин Алексей из с. Вороново, Кашкин—из деревни Михалево, Варварин—из деревни Ясенки и неизвестный той же деревни. Потерь с нашей стороны нет. Документ об убийстве коммунаров, ранее присланный вам мной, нужно отнести на счет нами уничтоженных дезертиров. Организация „зеленых“ в Вороновской волости началась с весны. Организатором был Кутыркин. Организация эта поддерживала связь с другими смежными уездами, в частности с нашим.

„Первое выступление в связи с положением на фронтах назначалось на 19 июня с. г., но вскрылось раньше благодаря только случаю—облаве на дезертиров в праздник.

„Полагаю, что подобные организации существуют и в других уездах нашей губернии. В. Жихарев“.

* * *

Показание крестьянина В—ва

Вопрос: Почему вот вы, крестьянин деревни Юрьевки, не принимавший, как вы заявляете, участия в восстании, на другой день после восстания однако решили скрываться в Масловском лесу?

Ответ: Нам Кутыркин говорил, что все равно, хочешь ли ты, или не хочешь принимать участие в восстании, а ты должен это делать потому, что советская власть и большевики все равно завтра будут вас истязать за нас и не поверят вам, что вы не хотели восставать. Почему? Потому что власть эта не наша, большевики—сброд, уголовщина, и все время стремятся донять вас: закабалить мужика-крестьянина и разверсткой, и всем, чем только можно,—разве вы не видите?.. А потом и страшал: „Если мол не пойдете с нами, то вы наши враги“.—Что оставалось делать? Итти с ними и помогать. Вот и шли.

Вопрос: Значит вы принимали участие в восстании?

Ответ: Да нет... Я в Масловский лес ушел с восставшими, боясь, что вы будете нас наказывать всех без разбора за восстание.

Вопрос: И всем Кутыркин крестьянам так говорил?

Ответ: Да, конечно, всем, и не только он сам говорил, но и его молодцы говорили нам об этом.

Вопрос: А не помните ли еще, что вам говорил Кутыркин или его молодцы?

Ответ: Как же, помню. Говорили, например, что советская власть скоро кончится. Что скоро Деникин придет и свободную торговлю даст и склады откроет, после чего, мол, мы нуждаться ни в чем не будем и будет всего вволю...; говорил также и о том, что их очень много и что они собираются уж итти сами на Москву, бить большевиков и жидов, и что оружия у них в достатке... а нас просили о чем? Только о том, чтобы мы поддерживали их — шли вместе, хотя бы и не дрались, как они заявляли: „для устраха“.

Вопрос: Ну, и что же?

Ответ: Кулаки и зажиточные наши мужики все время были с ними, украдкой помогали, говорили с ними, а мы беднота и часть середняков побаивались их и не верили, и когда хотели они напасть на красноармейцев, сообщили последним об этом, и те удрали.

Вопрос: И все-таки, несмотря на то, что вы „зеленым“ не сочувствовали, а ушли в лес — как это понимать?

Ответ: Очень просто: „с волками жить — по-волчьи выть“ — говорит русская пословица, — в нашей Юрьевке, откровенно говоря, много было всякого сброду, и все они ругали советскую власть; а тут дезертиры — ведь их была сила, ну, вот и не поймешь, бывало, что же у нас в деревне деется — не то действительно советская власть не наша, не то у нас прохвостов много... А говорилось-то все больше против власти.

Вопрос: Ну, и что же?

Ответ: Ну, и боялись мы. А раз боялись, то что ж, не будешь ведь говорить им, что ты вот не веришь им и стоишь за советскую власть, ведь у нас не в городе; это у вас ничего, а у нас чуть што — „красного петуха“ пустят и по миру побираться пошлют или пырнут из-за угла, а время-то какое сейчас? Ну, и крутили наши, как им хочется.

Вопрос: А кто из кулаков особенно сильно ненавидел рабоче-крестьянскую власть?

Ответ: На этот вопрос я не дам отета. Вы сами найдете их, если поищете хорошенъко, и не потому, что я не хочу им причинить зло — нет. Просто — я запуган и боюсь, что узнают, что я сказал, и тогда мне же попадет — вы-то уедете.

Вопрос: Что же вы — трус?

Ответ: Нет, не потому.

Вопрос: Тогда почему же вы хотите скрыть всю контрреволюционную сволочь?

Ответ: Убьют из-за угла, а у меня пять человек ребят.

Вопрос: И много крестьян скрывалось в Масловском лесу?

Ответ: Да почитай все наши мужики.

Вопрос: И что же вы там делали?

Ответ: Ничего. Просто скрывались, боясь расправы. А когда узнали уж сами из вашего обращения к нам, что мы не пострадаем, ушли от дезертиров в тот же день. Мало того—мы и из молодежи некоторым говорили: ребята, изничтожьте вы этого гада Кутыркина и идите с повинной—заблудились мы. Советская власть—наша власть.

Вопрос: Кому вы это говорили?

Ответ: Да многим из ребят. Фамилии-то их разве упомнишь сейчас.

Вопрос: Ну, а как же молодежь относилась к вашим словам?

Ответ: Некоторые плакали и заявляли, что-де они, мол, верно, блудные сыны, и что единственно остается делать, так это итти и просить прощения у штаба; некоторые, боясь Кутыркина, понуря голову, ничего не отвечая нам, уходили прочь.

Вопрос: Что еще могли бы добавить?

Ответ: Добавить больше мне нечего. А в заключение просьба к вам: простите вы нас окаянных... Темны мы... Пришли бы вы раньше к нам и сказали: „граждане, крестьяне! Чегой-то вы ругаете советскую власть и большевиков?.. Кто мы, буржуи какие или плоть от плоти, кровь от крови ваша гольтепа?.. Если берем излишки и сыновей на войну—для чего, так мол и так“.

А то ведь мало из центру к нам народу бывало, а все больше наша гольтепа, а мы ей не верим, а тут этот Кутыркин... ну,—вот и вышла кутерьма. Что же теперь делать-то. Виноваты, нечего и говорить.

* * *

После недели бессонных ночей, в связи с ликвидацией восстаний дезертиров в уезде и „волынки“ на фабрике, после того как наш отряд особого назначения вернулся из Подольского уезда,—военное положение было снято. Часть заложников после производства дознаний была отпущена, часть препровождена в МЧК.

„Реввоенсовет“ нами был ликвидирован.

Должность военкома уезда я передал вернувшемуся Жихареву и после этого уехал в Бронницы в отпуск к брату.